Седьмое лето

Автор:
Евгений Пузыревский

Седьмое лето

Евгений Евгеньевич Пузыревский

Наше время. В заброшенной и почти развалившейся деревне живут Грачёвы – Марина, Сергей и их семилетний Павлик. Однажды отец ушел и не вернулся, а мать, серьёзно заболев, умерла, оставив сыну своё стокилограммовое тело.

Лишь полностью исследовав жизнь каждого члена этого семейства, можно найти ответы на вопросы: «Как они попали в эту деревню?», «Куда пропал Сергей?», «Из-за чего умерла Марина?» и «Как проведёт Павлик своё седьмое лето?»

Евгений Пузыревский

Седьмое лето

© Пузыревский Е., 2012

© ООО «Мир кино», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Седьмое лето

1

«Вот что:

Жизнь прекрасна, товарищи,

И она удивительна,

И она коротка.

Это самое-самое главное»[1 - Отрывок из стихотворения Владимира Высоцкого «Вот что: Жизнь прекрасна, товарищи…» (1966)]

В этот год зима была малоснежной, тёплой и щадящей. Но, где есть недобор, обязательно найдётся и перебор. Весна, лишь немного отличавшаяся от предшественницы, расположилась надолго и основательно. Дни сменялись днями, а за окном одна и та же картина, словно кто-то чересчур весёлый, приклеил с улицы на стекло большую фотографию с видом слабо заснеженного двора.

Март, апрель.

И вдруг всё встало на свои места, словно чужеземные сёстры Оры, наконец, закончили семейную междоусобицу на Олимпе и принялись за свои прямые обязанности, да так яро, что отголоски моментально долетели до современной России. Снег растаял, ручейки шустро разбежались, а деревья, не желая отставать, приняли своё предлетнее состояние.

В один из последних весенних деньков, когда солнце уже активно напекает, но пока ещё безопасно для непокрытых голов, когда земля уже прогрелась, чтоб можно было сажать картошку, когда на большой земле, школьников во всю муштруют перед экзаменами, семилетний Павлик молча стоял посередине избы и смотрел на свою мёртвую маму.

2

Когда-то тут жили люди. Не сказать, что весело и счастливо, но своим существованием в меру довольные. Пятнадцать дворов, пятнадцать семей, пятнадцать малых социальных групп, незнающих, что они таковыми являются. Болезни, старость, пьяные драки, неурожаи, несчастные случаи – безуспешно пытались расколоть устоявшееся число, но бабы на Руси рожать умеют, а мужики… а много ли с них надо?

Так бы жизнь и дальше неслась, не оглядываясь на прошлое, не выглядывая будущее, не рассматривая настоящее, если бы не запнулась о век двадцатый, а уж он-то расставил все, всё и вся на свои места. К двухтысячным годам в деревне остались лишь несколько старух да тугоухий старик Фрол, с которым новое тысячелетие сыграло в игру «День за год», и к началу апреля долгожитель потерял свой долгозарабатываемый статус.

Ровно за неделю до того, как приехали Грачёвы.

3

Павлик Грачёв считал, что он смешнее, умнее, сообразительнее и сильнее всех своих сверстников, но вся штука в том, что он их никогда не видел.

Родился Павел Сергеевич (так любил называть его отец) в деревне со странным, но зато коротким названием Егра, через четыре года после миграции его родителей с большой земли. Родился в точно положенный срок, словно сверяясь

по часам, без лишней суеты, криков и осложнений. Хотя нет, повредить что-то в матери он всё же умудрился, но местные бабки сёстры Дубцовы, быстро её отпоили своими народными настойками, так что это не считается.

Ходить начал рано и сам же за это поплатился. В дверной косяк, разделяющий кухню и комнату, отец Павлика периодически вставлял полуметровую деревянную перегородку, которую взрослые могли перешагнуть, и которая отделяла их сына от печки, подпола, оставленных на столе ножей и других многочисленных опасностей. Всё бы было хорошо, но он не учёл, что человеком правит любопытство, даже если этот человек в человека не успел сформироваться. Так что, сам не осознавая как, Павлик пришел к выводу, что недостающий для преодоления преграды рост можно компенсировать металлическим горшком, если его перевернуть и использовать как подставку.

И вот достигнута заветная кухня. Но, вслед за секундной радостью победы, последовал удар головой об пол, да выбитый передний зуб, который упорно отказывался отрастать еще четыре года. Хотя это и к лучшему, как позже убедил себя подросший мальчик, ведь сверстники сразу же зауважают боевого парня… если он их, конечно, когда-нибудь встретит.

Мать лежала перед ним на железной кровати, укрытая тремя одеялами.

Бывшая Марина Алексеевна, а ныне – мама Марина, умерла ночью, тихо и в беспамятстве.

Раньше, ещё в той жизни, она была самой обычной девушкой, которую легко можно облачить в шаблонную фразу «Серая мышка». Но при этом она оставалась довольно милой, стройной и аккуратной.

Когда ей исполнилось двадцать пять, ровно в свой день рождения, во время посиделки со своими не многочисленными друзьями, у неё заболел живот. Так как Марина, даже в сознательном возрасте, боялась врачей (хотя для себя она заменила слово «страх» на «недоверие»), то и с этой, новоявленной проблемой решила справиться сама. Гости ушли. Она, съев, для верности, шесть таблеток активированного угля, и поставив очищающую клизму из ромашкового отвара, улеглась спать, с мыслью, что прошёл четвертак, а мужа всё как и не бывало. Наутро ещё остались слабые отголоски боли, но к обеду всё прошло.

«Нет человека – нет проблемы» – говаривал в своё время один деятель истории. Так и Марина, неосознанно перефразировав на «Боль», стёрла этот инцидент из своей памяти, забив освободившееся место, другими, более важными бытовыми делами. Но проблема забываться не торопилась и худенькая девушка начала толстеть. За год, свои «сорок три» она умножила в полтора раза, затем, наконец, чуть снизила скорость, но в итоге, к моменту переселения в Егру она стабильно весила восемьдесят пять.

И теперь, огромной мёртвой массой предстала перед сыном.

Павлик вышел в сени.

Он знал, что всё так закончится, но при этом упорно верил, что мать либо поправится сама, либо вернётся отец (в этом он тоже не сомневался) и найдёт способ излечить болезнь.

Так что теперь их сын оказался неподготовленным.

Надо всё обдумать.

Есть два варианта развития событий, первый – сесть напротив матери и судорожно пытаться найти решение, второй – заняться повседневными делами и оно само тебя найдёт. Он не знал, как поступили бы сверстники, но при этом понимал, что есть определённый распорядок дня, который нельзя нарушать.

Павлик достал большую кастрюлю, насыпал в неё отрубей, из оцинкованного короба, нарезал туда картошки с морковью, залил тёплой водой и пошел с ней в конюшню.

Лошадей Грачёвы не держали, но построенная ещё прадедом Марии небольшая конюшня, на три головы, имелась. Теперь её переоборудовали под копытных меньшего размера. Купили двух коз, назвали Белкой и Стрелкой, подселили к ним десяток безымянных куриц, одного петуха и законно стали считать себя деревенскими жителями.

В первые дни, когда мать уже не смогла ходить, и Павлику пришлось самому доить коз, Белка с заведомым упорством не хотела его к себе подпускать. Но потом, распухшее от молока и рвущее изнутри вымя, заставило её пересмотреть своё мнение «о чужих» и отношения наладились. Теперь каждый был занят своим делом – она жевала принесённый завтрак, он, сидя на маленьком деревянном стульчике, дёргал за сосцы, пуская струйки молока в пластмассовое ведёрко, предварительно накрыв его марлей.

4

Последняя в Егре старуха умерла почти сразу за предпоследней.

Собственно, как и обещала.

Это были две сморщенные близняшки – Люба и Надя, которые, на все вопросы о возрасте, кокетливо отвечали – «Ох, и не стыдно нас, молоденьких да непорочных девиц, такие вещи спрашивать?».

Лет пятьдесят назад одна из непорочных сестёр, в соответствии со своим именем, «перелюбила» треть мужского населения, за что их жены довольно таки сильно её поколотили, обрили и выгнали из деревни. Родня «гулящей бабы» была, может и против такого развития событий, но виду не показала. Другая сестра осталась при домочадцах, в тайне надеясь на скорое воссоединение, которое затянулось на тридцать восемь лет.

Бывает, не видишь год человека, встречаетесь, смотришь на него – всё тот же, всё так же, ан нет, забралась в него какая-то зараза инородная, не родная и понимаешь, что пред тобой чужой. Как не доказывай себе, как не убеждай, как не приводи доводы, как ни вспоминай прошлое – всё равно чужой.

А здесь – день на водочную «обтирку» и как небывало огромной временной дыры.

Одна с образованием швеи и венерологической болезнью, другая не умеющая читать и пережившая мужа с детьми. Одна пробовавшая все четыре сорта

колбасы и видевшая в газете «Джоконду» Леонардо да Винчи, другая умеющая ловко потрошить свежепойманную рыбу и верящая во все суеверия, ходившие по деревне. Разные судьбы, разные жизни, но одно на двоих новоприобретённое счастье.

* * *

В тот день отец пришел домой поздно, уставший и злой на себя, за то, что заранее не подготовился. Пятилетней Павлик был отправлен спать, а он стал в подробностях рассказывать жене, как хоронил «последнюю».

Сёстры хоть и не особо торопились помирать, но всё же, хотели быть погребёнными по-человечески. Долго кандидата на ответственную должность искать не пришлось и в связи с отсутствием конкуренции, выбор пал на Сергея. Они вызвали его к себе, методом выкрика имени через пол деревни, объяснили, что да как, всучили оставшиеся деньги «на вдруг», да «на всякий случай» и пять коробок патронов, оставшихся от отца, а теперь без надобности валяющихся.

5

Сын, методично дёргая за вымя, размышлял, что делать с мамой.

Тёплые струйки молока, пробивались сквозь марлю, оставляя на ней пену и мелкие частицы сена.

Коза жевала, Павлик думал.

Оставлять её в доме нельзя. Два-три дня и пойдёт запах, сначала еле заметно, словно мерещится, но потом, спустя еще неделю, придётся жить здесь, с домашней живностью.

6

Чуть больше года назад, у Грачёвых жила кошка Манька. Кошка как кошка, стандартная, в меру наглая, в меру тупая, в меру подверженная своим кошачьим демонам, которые, однажды, нашептали ей об одной очень популярной игре-забаве. Необходимо спрятаться под кровать, сидеть, выжидать и как только появятся человеческие ноги, резко выпрыгнуть, поцарапать, да успеть, под крики, ретироваться до того, как придётся получить по волосатому загривку.

Четырёхлапая в восторге – двуногий не особо.

Маме жаловаться бесполезно – не поймёт, а отец и слушать не станет. В итоге, пострадавший решил справиться с когтистой напастью своей силой и соответственно – наказать. Да так, чтоб впредь неповадно было.

Манька, развалившись, спала на уже протопленной, но не до конца остывшей печи. Павлик, стараясь не шуметь, достал из шкафа большую кастрюлю, перевернул вверх дном, и быстро накрыл, ничего не успевшую понять, кошку.

Было раннее утро, родители как раз сегодня, ушли в лес, наломать для банных веников берёзовых веток, так что вернутся не раньше часов пяти. Этого времени вполне достаточно, чтоб эта маленькая злюка смогла подумать над своим поведением и сделать полагающиеся выводы.

Оставив шокированное, скребущее и орущее животное под кастрюлей, малолетний экзекутор отправился на улицу, решать другие, не менее важные дела.

Во дворе стояла пустая собачья будка. Будка есть, собаки нет. Великая русская нестыковка. Это как когда на улице летняя жара, а ты умудрился простудиться и соплями умазаться. Или ты строитель по призванию, всем строителям строитель, профессионал своего дела, но вынужден вместо принятия родов у нового жилищного комплекса, тротуарную плитку выкладывать. Ну ладно, хрен бы с ней, с этой плиткой – «Кто если не мы?», но ведь обидно, когда ты морочишься, потеешь, стараешься, чтоб она и заподлицо не знавала, чтоб не запинались, чтоб ходить приятно было… А людишкам, лишь бы «собачьими тропами», да побыстрее, да покороче пройти – и плевать, что грязью до ушей, да репей по штанинам, зато три минуты сэкономили. Время – деньги, а деньги – упущенное время. Всё банально и просто. Но нет повода к расстройству, рано или поздно оценят твоё качество работы, когда ночью, с матом и ломом, эту

плитку выкорчёвывать начнут… себе, для дачи – там она лучше смотреться будет.

В будке, между потолком и треугольной крышей, было полое пространство, которое Павлик обнаружил случайно, вчера вечером, когда заглянул в щель между дощечками. Незамедлительно одна из них была оторвана и любопытные глаза увидели пустое, почти чистое, а главное секретное место, про которое никто, кроме него, не знает.

Тайники бывают разными – большие, маленькие, древние, или вот как этот – новообретённые. Но всех их объединяет одна и та же главная беда – в них обязательно надо что-то хранить. А если у тебя этого «что-то» нет? Значит надо найти не «что-то», придумать ему невероятную историю и тогда эта, на первый взгляд, неказистая вещица заиграет новыми, яркими, сочными красками – важными красками, нужными красками.

Именно этим, мальчик и решил заняться – благо родителей до вечера не будет.

И потихоньку тайник стал заполняться. Рыболовный крючок странной формы, в котором место одного шипа, было аж три – значит, ловили на него не обычную рыбёшку, а королевскую, у которой жабры на спине, животе и хвосте, поэтому она дышит не только под водой, но и на суше. Воронье перо, чёрное всё такое, мрачное – его если зашить в подкладку куртки, то все животные, даже самые большие и опасные, мимо проходить будут и не посмеют укусить. Навесной амбарный замок, с отломанной душкой, который, когда-то висел на двери темницы и удерживал самого опасного в мире преступника, пока тот не сбежал, перепилив его специальной маленькой бандитской пилой. Обрывок газеты, с непонятными русскими буквами и найденный в соседнем пустующем доме. Полую гильзу от патрона, в которую можно засыпать порох и она снова сможет собой стрелять. Ну и наконец, свой молочный зуб, выпавший ещё в том месяце и теперь особо не нужный – но выкидывать жалко.

«Живём, обарахляемся, хватаем

Шут знает что, бог ведает к чему!

Затем уходим в вековую тьму

И ничего с собой не забираем…

Ах, вещи, вещи! – истуканы душ!

Ведь чем жадней мы их приобретаем,

Тем чаще что-то светлое теряем,

Да и мельчаем, кажется, к тому ж»[2 - Отрывок из стихотворения Эдуарда Асадова «Души и вещи»]

Появилось тяжелое ощущение наступающего вечера.

Вспомнив про кошку, кастрюлю и возвращение родителей, Павлик отложил поиски нужных секретностей до следующего их ухода, вставил дощечку из крыши конуры на прежнее место и побежал в дом.

Тишина.

Подозрительно.

Мальчик поднял кастрюлю – Манька на месте. Спит. Только странно как-то, неестественно. Еще ничего не понявший «Учитель поведения» решил напугать свою «Ученицу». Медленно, чтоб не разбудить, он поднёс свою руку к хвосту и резко дёрнул. Кошка молча, кулем, шлёпнулась на пол.

Всем известны три аксиомы:

1) Если бросить кошку, то она по любому упадёт на лапы.

2) Если бросить бутерброд с маслом, то этот пищевой продукт, намазанный на хлеб и представляющий из себя эмульсию, в которой капельки воды являются дисперсной фазой, а жир – дисперсионной средой, обязательно шлепнется вниз первым.

3) Если бросить кошку с привязанным к ней, маслом вверх, бутербродом, то получим вечный двигатель.

Но что произойдёт, если в третьем пункте, одно из заданных «дано» будет мёртвым? Соответственно победит второе. Но тогда, устоявшееся веками, будет

нарушено. А что следом? Хаос, разруха, апокалипсис! Значит для предотвращения конца света, необходимо в таких случаях использовать мёртвый бутерброд. Хотя его и живым то назвать нельзя.

Какой-то замкнутый круг получается…

На улице заскрипела калитка. Вернулись. По опыту Павлик понимал, что родители сразу в дом не пойдут – пока разложат принесённые ветки (сейчас веники вязать не будут, обычно на следующий день), пока проверят друг друга на клещей – так что минут двадцать в запасе есть.

Манька, лежащая у ног с открытым и оскаленным ртом, мешала сосредоточиться.

Что делать?

Признаться? Страшно – хотя ремень по попе ещё ни разу не гулял, но бывало, что обещали. Делать вид, что ничего не знаю? Поймут. Закапать на улице? Мимо них не пройдешь. Спрятать? Можно. Но куда?

Подпол!

В любом порядочном частном доме должна быть ямка, для хранения картошки, морковки, солений, варений и остальных подобных запасов на зиму. Дом Грачёвых не был исключением. Всё устроено довольно просто – в правом углу кухни, в полу, находилась деревянная крышка, с прибитым железным кольцом. Тянешь, открываешь и ползёшь в ямку, вниз на три метра. Во время спуска можно лицезреть подпол – расстояние между полом и землёй, сантиметров в пятьдесят, которое служит продувом под домом. Ну и ещё туалетом для мурчащего усатого создания, под которого, специально, была вырезана дыра в крышке, и оно могло беспрепятственно туда шастать. Раз Манька умудряется там прятать свои продукты жизнедеятельности, то соответственно, там же, можно спрятать и её саму.

Подумано – сделано.

Павлик, зажав кошку подмышкой, спустился вниз на треть железной лесенки, затем с неё перелез в подпол.

Темнота.

Рядом бросать усопшую нельзя, вдруг заметят-папа же почти каждый день совершает в ямку поход за продуктами. Далеко тоже не забраться, нет времени – клещи клещами, а родители до вечера на улице не останутся. Значит надо припрятать где-то здесь, но при этом, где-то незаметно. Преодолев метров пять, найдя, на ощупь, одну из опор дома, Павлик аккуратно положил за неё Маньку и полез обратно.

Успел.

Получил подзатыльник от отца – за грязную и порванную одежду, выслушал причитания матери о том, как ей это всё потом стирать и счастливый, что не поймали, отправился спать.

Жалости, к мёртвому домашнему питомцу он не испытывал.

Пока.

Пропажу кошки заметили на следующий вечер. Павлик всё это время старательно пытался не попадаться на глаза, чтоб, по неопытности, себя не выдать. Отец, со свойственным ему спокойствием, сказал, что она вернётся – куда денется.

Не вернулась.

Через три дня он подытожил другой мыслью, мол, видать, она болела, а кошаки дома не умирают – в лес уходят, значит и наша, наверняка, приказала долго жить. Павлик естественно согласился. Мать это, хоть и не успокоило, но убедило.

Жизнь вернулась на круги своя.

Через три недели появился запах.

7

Мама большая, просто так не поднимешь.

Павлик уже закончил с козами, оставил себе необходимое количество молока на вечер, что-то выпил сейчас (один раз отец привёз, для пробы, коровьего, но по сравнению с очень жирным козьим, оно мальчику показалось водой подкрашенной), а остальное вылил в компостную кучу – всё равно скиснет, в одного шесть литров не осилить.

Закончив с копытными, мальчик принялся за куриц. А если точнее, за их яйца. Насчитал девять. Ну, как всегда – та хилая, с выклеванными перьями на макушке и голой пупырчатой шеей, опять снесла непонятно где. Придётся искать. Сами же наступят, разобьют и растаскают по конюшне.

Проверил каждый уголок – нигде нет. Может сегодня у неё перерыв? Да вряд ли.

Он уже собрался выходить, но тут увидел, как петух залез на одну из своих дам и стал на ней усиленно и жестоко топтаться, та, в ответ, истошно закудахтала. Ребёнку было невдомёк, что это процесс естественный и природой заложенный. Он же видел только одно – сильный обижает слабого. Поэтому, благородный человечище, пшикая да размахивая руками, попытался остановить творимый беспредел, но, во время миротворческой операции, запнулся и чтоб не упасть, схватился за шатающуюся перегородку.

Шлёп.

Рядом с ним, разбрызгивая, в метровом радиусе, свои внутренности, упало яйцо. Павлик удивлённо поднял вверх голову и увидел, что, метрах в двух от земли, к деревянной ограждающей конструкции была прибита маленькая полочка. Зачем она, какой служит цели – непонятно. Но самое странное было даже не то, что он не замечал её раньше (не так уж он и давно был вынужден примерить на себя профессию доярки), а то, что курица снесла яйцо именно на ней. Вот действительно безмозглое создание, что земли мало что ли? И даже главное не то, как она умудрилась на неё залететь, а то, как же ей пришлось

раскорячиться, чтоб самой не рухнуть, да объект изучения оологии сохранить. Её или в цирк – народ удивлять, или в суп – тот же народ кормить. А так, зароет талант с собою в землю, или же остальные заклюют – они могут…

Выпив молока, Павлик чуть приоткрыл дверцу своему голоду, поиски же пропавшего яйца, распахнули её настежь.

На улице уже было тепло, так что топить печь дома нет смысла, да и дрова незачем тратить. На летний период во дворе стояла маленькая буржуйка, с отсутствующей трубой и приспособленная для готовки пищи.

Павлик забил её старыми досками (остатки соседского забора – не пропадать же добру), засунул под низ бересту и разжег с одной спички – они были в дефиците, и он не мог себе позволить роскошь тратить больше. На чугунной сковороде пожарил картошку, с яйцом и топленым салом, залил блюдо молоком и стал есть.

Хорошая мысля, приходит опосля. Или вообще не приходит. Но все-таки именно сейчас, жуя необходимый набор углеводов, единственный сын придумал, как поступить с телом единственной матери.

Если хорошенько так подумать и как следует разобраться, то можно сделать один нехитрый вывод – любая мозговая активность должна быть сопряжена с физической. Разберёмся на примере какой-нибудь значимой исторической личности… например Наполеон. Постоянные походы, побеги, конфронтации – всё это достаточно изнурительно для человеческого тела, но мозг-то работает, да еще как! Какие решения гениальные принимал (не всегда конечно, но всё же)! И завоевал он половину мира, и стал он считать себя Великим! Хотя нет. Этот гномик с завышенной самооценкой при любом раскладе себя великим бы считал – неудачный пример. Тогда возьмём другого, родного, нашего, отечественного- Илью Муромца. Тридцать три года на печи лежал, ни черта не делал, родню объедал и что? А ничего – ни одной толковой мыслишки. А как встал, водою старцев напоенный, как начал ручками да ножками действия, им полагающиеся, совершать, так сразу и мозг заработал, а с ним и до Героя рукой подать. Ну и последний пример, чтоб, так сказать, закрепить тему нашего урока-размышления. Диссиденты. Бегают от властей, прячутся по кухням – чем не физика? Вот и пишут свои опасные мыслишки, вот и заражают ими слабовольных

товарищей, всё стараясь пошатнуть и так только недавно окрепший строй. А как посадят, так сразу и действие пропадёт. Смотришь на них через пяток годков (если выпустят конечно) и нет мысли во взгляде, нет здорового блеска, лишь только пустота и обречённость.

Так и с Павликом, сделал дело – получай решение проблем. Осталось только, его как-то в жизнь воплотить.

8

Запах.

Павлик, каждый день испуганно ждал, что начнут обследование дома и Маньку найдут, обязательно найдут. Тогда уж ему не поздоровится. Сам не зная почему, но он уверенно верил в то, что как только извлекут труп кошки на поверхность, то все сразу догадаются, по какой причине она вдруг так скоропостижно скончалась. Надо что-то делать, надо как-то опередить. Но даже если её достать на свет божий, то, куда же её родимую задевать дальше?

Выйдя из дома, стараясь быть незамеченным и захватив с собой лопату, Павлик направился за оград у. За ту её часть, куда обычно, за ненадобностью, не ходят, и которая вся заросла травой да лопухами.

Маньку нужно похоронить.

Но для начала, перед тем как за ней ползти, необходимо выкопать яму. Заранее. Чтоб потом при ней этого не делать и не смотреть в её осуждающие глаза.

Случайного душегуба уже давно кромсали угрызения совести, но всё же, страх разоблачения и ответственности, был сильней.

Лопата упорно отказывалась продираться сквозь сплетённые корни травы, больше чем на пять сантиметров. Как могильщик не старался, как не прыгал на ней, как не раскачивал из стороны в сторону, в надежде, что она их перерубит –

всё было бесполезно. Все планы на большую, просторную яму, для героически погибшего животного, плавились на глазах, словно лицо «Богородицы» Альбрехта Дюрера, под влиянием выплеснутой кислоты серийного душевнобольного вандала Ханс-Иохима Больмана.

В итоге, после получасовой возни, Павлик имел в своём распоряжении небольшую, но все, же достаточно глубокую яму, годную лишь хомяков хоронить, а, ни как не кошку. Но выбора особо не было.

Вернувшись в дом, он обнаружил, что мамы нет – скорее всего, ушла пасти коз. Выглянул в окно – отец в огороде, чертыхаясь, выкорчёвывает пень от старой и недавно спиленной яблони. Значит, есть время, но сколько – неизвестно. Тянуть нельзя.

Открыв на кухне деревянную крышку, Павлик спустился в подпол и пополз. В первый раз, видимо в состоянии аффекта, он не особо ощутил весь путь, теперь же, все прелести были налицо. Тут тебе и нестерпимый запах Маньки, и маленькие, но очень больные камешки, и экскременты, в которые постоянно попадались под руки (как же он в прошлый раз умудрился ни разу не коснуться этих славных отходов жизнедеятельности?), и жуткая пыль, оседающая в носу и рту, и деревянные балки, специально предназначенные для удара головой. Но надо ползти и по возможности быстрее – родители могут зайти в любую минуту.

Вокруг ползущего шуршала темнота.

«Не трогай в темноте

Того, что незнакомо,

Быть может, это – те,

Кому привольно дома.

Кто с ними был хоть раз,

Тот их не станет трогать.

Сверкнёт зелёный глаз,

Царапнет быстрый ноготь, —

Прикинется котом

Испуганная нежить.

А что она потом

Затеет? Мучить? Нежить?»[3 - Отрывок из стихотворения Фёдора Сологуба «Не трогай в темноте…» (11 декабря 1905)]

Ничего не видно, всё на ощупь.

Где же эта опора, за которую он её бросил?

Павлик растерялся – по его подсчётам и ощущениям, она уже давно должна быть тут. Мальчик, в панике, стал размахивать руками во всех плоскостях и направлениях, пытаясь найти искомую.

Удар.

Руку больно обожгло. Но радость от находки, тут же затмила все страдания, казавшиеся вечными, но на деле длившиеся не больше четырёх минут. Вот она – треклятая опора, значит и кошка где-то рядом. Павлик стал шарить по земле и, наконец, наткнулся на вожделенное тело, которое, по необъяснимым причинам, стало шевелиться под его ладонью.

Черви.

И тут Павлик заревел. От чувства содеянного, от обиды, от жалости к себе и от того, что его вырвало, прямо на свою одежду. Ему хотелось лечь, прямо тут, на землю, закрыть глаза и тихо уснуть, а проснуться уже не где-нибудь, а именно на своей кровати, чистым, незарёванным, счастливым и обнаружить в ногах, свернувшуюся мурлычущую Маньку.

Просто взять и лечь.

Это же так легко.

Просто закрыть глаза и уснуть.

Скрип входной двери.

Пол, а в данном случае потолок, сообщил Павлику «пренеприятное известие» – в дом вошли. Моментально забыв про все мечты и фантазии, он пополз обратно, стараясь успеть до того, как тот, кто сверху, попадёт на кухню.

Успел.

Вылезать наружу, сейчас нет смысла, так как зарёванный, грязный, в рвоте и кошачьих отходах, он представлял собой довольно жалкий вид. Поэтому, закрыв крышку изнутри, тот, для кого сегодняшний день тянулся уже неделю, стал ждать, сидя на лестнице.

9

Встав на табурет и открыв ящик над раковиной, Павлик достал три куска хозяйственного мыла.

Всё что есть.

Если этого в итоге не хватит, то и они окажутся бесполезно потраченными.

Зашел в комнату, где лежала мама, собрал в кучу все половики и стал натирать мылом пол. Сначала его движения были размашистыми, охватывающие большие области, но заметив, что кусок быстро иссякает, он понял – так продолжать нельзя. Встал с колен, сходил на улицу, принёс взятую в буржуйке головёшку и начертил ей две ровные (ну, почти ровные) линии-разметки, ведущие от дверного косяка к ножкам материнской кровати.

Что же собой представляет советская железная кровать? Во-первых, это великая панцирная сетка, друг сколиоза и всех ребятишек, что отпрыгали на ней определённый процент своего жизненного счастья. Во-вторых, это стандартные размеры – метр девяносто, на девяносто сантиметров, которые приучили население спать «вольтами». В-третьих, это неимоверно прочный и тяжеленный

материал, о который был разбит не один горячий лоб и выбито не меньше лишних зубов. В-четвёртых – это ночной скрип, который мешал спать тем, кого недавно делали под него же. В-пятых, это целая эпоха кондовости, практичности, стандартности и безвкусицы.

Сетка, под регулярным тяжелым давлением, была давно вытянута и теперь, чтоб не проваливаться до пола, на ней лежали крепкие доски, а на них матрац, а на нём простыня, а на ней мама Павлика, а сверху три одеяла – чем не бутерброд? Только весил он не меньше центнера и выглядел не особо аппетитно.

Натерев мылом всё намеченное пространство и дойдя до дверного проёма, Павлик столкнулся с новой проблемой, в виде прибитой к полу деревяшки, являющейся порогом.

Его надо убрать, через него ни как – сил не хватит.

Взяв в отцовской мастерской зубило и молоток, он стал кусками отковыривать рассохшееся дерево.

Папа придёт – по головке за это не погладит, а у него рука тяжелая, долго ещё потом жжёт в затылке. Вообще-то он добрый и многое прощает, но очень уж не любит, когда что-то портят или ломают. К тому же весь запас мыла истратил. Да и из-за мамы рассердится, … наверное, … Он же умный, он же сразу вариантов десять предложит, как поступить надо было. И посмотрит, так, по-особому, как только он умеет, и скажет, что сразу стыдно станет – «Эх, Павел Сергеевич, тебе же уже семь лет, а ты всё как маленький, может пора, наконец, повзрослеть?». А как ему сказать, как оправдаться, что лет то не «уже», а только «ещё»…

Закончив с уничтожением порога, Павлик собрал его остатки в совок, вышел на улицу и высыпал их в буржуйку – пусть еще раз пользу принесут. Вернувшись в дом, он расстелил на полу самую длинную ковровую дорожку, прямо на то место, которое недавно натирал мылом.

Глаза боятся – руки делают.

Павлик залез на кровать, стянул с мамы одеяла, упёрся ногами в стену, а руками в её тело и, сначала потихоньку раскачивая, а затем, умудрившись перевернуть несоизмеримую его весу массу на бок, он сбросил усопшую вниз.

10

Наверху решили задержаться.

Судя по тому, что половые доски почти не трещали под лёгкими шагами, это был отец. Странно, обычно он считает кухню женским домом, а тут уже минут двадцать на ней возился. Или тридцать. Или… Павлик уже давно сбился со счёту времени.

Ну, уйдёт он, а что дальше? Манька сама не вылезет и не похоронится.

Но там же черви!

Как-то раз, когда ещё его не оставляли дома одного, родители ушли в лес, предварительно отведя сына к бабе Любе и бабе Наде. И те, взяв с него обещание, что он ни кому не расскажет, показали мальчику страшную тайну – огромного таракана Коленьку, который жил у них в трёхлитровой банке. Этому предшествовал длинный и запутанный рассказ (во время которого, сёстры старательно пытались спрятать улыбки), о том, как такой невиданный зверь у них появился и как теперь охраняет дом от злых духов, жуликов и мерзопакостных коммуняк. Это диковинное создание произвело огромное впечатление на детское восприятие, а в особенности его длинные усики и тоненькие лапки. На что тут же получил ответ, что любой, мало-мальски уважающий себя мужчина должен носить усы, если хочет, чтоб его любили прекрасные дамы. А особенно такие, как нежные и скромные сёстры Дубцовы.

Папа усов не носил, значит, мама его не любит? Или у него есть другие, пока Павлику не известные, объекты женского восхищения?

После долгих уговоров подарить Коленьку и видя, подготовленные к слезам, глаза мальчишки, две старушки решили сделать ход конём. Они, наперебой, начали рассказывать страшные истории, о том, что тараканы могут заползти спящему человеку в ухо и съесть барабанную перепонку, или же, через нос, попасть в мозг, а там, … а там даже страшно говорить. Естественно, после этого, у Павлика пропало всё желание заводить у себя нового сожителя.

А кто знает, чем отличаются черви от тараканов, может они ещё даже опаснее! К тому же без лапок и усов.

Но если подумать, то какая-то там непонятная перепонка может обратно вырасти, а любовь родителей не вернуть. Кто же будет любить убийцу? Либо его из дому выгонят, либо сами уйдут.

Во время танцующей мысли «об уходах», наверху отец, наконец, доделал все свои дела и удалился.

Надо действовать.

Павлик спустился в ямку, на ощупь нашел сусек с картошкой и отгрыз от корнеплода четыре одинаковых куска. Земле было безразлично, к чему прилипать и она с лёгкостью перекочевала с кожуры на зубы. Сплюнул. Засунул крахмальные затычки в нос и уши, поднялся по лесенке и полез за Манькой.

В этот раз, как ни странно, путь был намного быстрей. Родным стал, знакомым. И камни не так впивались, и переработанная пища не такая противная, и пыль во рту не ощущалась, и тьма уже не тьма.

Вот она опора, вот она кошка, вот они черви.

Павлик снял носки, засунул в них руки, словно в перчатки, затем взял Маньку за лапы и несколько раз сильно встряхнул, словно коврик, из которого выхлопывают пыль. Эта самая пыль полетела, извиваясь в воздухе, и приземлилась на безопасном от него расстоянии. Тот, кто нарушил её мирное сосуществование, снял с себя рубашку, расстелил на земле, положил на неё давно уже не мяукающее существо, запеленал словно младенца (но при этом, вместе с головой) и полез обратно.

Деревянная крышка немного приоткрылась. Через узкую щель два детских глаза оценили обстановку и убедившись, что всё чисто, на кухню вылез и сам их обладатель.

Так, с носками на руках, голым верхом, чумазым лицом и исцарапанным телом, Павлик побежал за ограду, стараясь не попасться на глаза родителям.

Звёзды, вставшие так, как надо, пень, который упорно отказывался выкорчёвываться и козы, что так долго не могли набить себе брюхо сочной зелёной травой, всё это, помноженное на быстро переставляемые семилетние ноги, сделало своё дело – мальчик достиг места назначения незамеченным и без каких либо происшествий.

Яма, которая утром потребовала от копателя такое количество затрачиваемых усилий, была маловата. Горизонтально кошку не уложишь, вертикально – мешают окостеневшие и не сгибающиеся лапы.

Может ну её к чёрту, бросить, куда подальше в кусты и забыть? Легко и просто. Но что, же тогда делать с совестью, – она, же не даст покоя, она, же такая, хоть и ненадолго, но осядет в подкорке, да порезвится вдоволь.

Нет, только похоронить и ни как иначе!

Павлик положил Маньку на землю, примерился и тремя сильными ударами лопатой, перерубил её пополам.

Жалко? Противно? Жестоко? Но это лучше, чем бросать её так, одну,… а если пойдёт дождь?

Два куска – не один. И теперь яма была в аккурат по размерам. Засыпав её землёй, да прикрыв ветками, Павлик обтёр лопату об траву, с минуту молча постоял над местом захоронения и затем отправился в пустующий двор соседнего дома. Там находилась большая (по детским меркам) бочка, в которую был пущен местами проржавевший слив с крыши. Бывшие жители использовали из неё дождевую воду для поливки огорода, теперь же она стояла вечно переполненная и идеально подходила для купания в жаркую погоду.

Отмыв с себя всю грязь и остатки дневных приключений, умиротворённый Павлик отправился спать, мысленно готовясь выслушать утреннюю лекцию о грязной одежде.

Мама упала именно туда, куда необходимо. Ровно, идеально и точно на спину. Словно, даже после смерти, пыталась помочь сыну, зная как ему сейчас тяжело.

В прямом и в переносном смысле.

Павлик поправил на ней загнувшуюся ночнушку, сложил её руки на груди и подложил под голову подушку (бессмысленно, но всё же). Подошел к другому концу ковровой дорожки, взялся за края и начал тянуть.

Ковёр – вещь уникальная. Мало того, что ему, как явлению, уже не одна тысяча лет, так к тому же использует человечество, это тканое изделие, всевозможными способами. Тут тебе и украшение, и утепление, и статус, и летательное средство, и участник погребальных ритуалов (от скифов, до братков 90х), и хранителем важной информации, и в наглядное выражение Корана, и символизм, и атрибут выплачиваемой дани, и объект для фотосессий, и самый главный в доме пылесборник.

Теперь же, этот монумент времени, изрядно сдавший позиции в современном вкусовом обществе, с трудом, но всё же скользил по натёртому мылом полу.

Если отбросить все морально-этические стороны аспекта, и попросить Илью Репина нарисовать картину по событиям, то он, лишь усмехнётся – «Масштабы проблематики не те, чтоб я за кисть брался». Пойдём к Питеру Брейгелю и тоже отказ – «В моём перечне детских игр, забава, «Катание матери на ковре», отсутствует». Быстрее к Франциско Гойе, уж он-то еще тот чернушник, но – «Есть либо мир, либо война, а это,… а это не ко мне». Для Густава Климта – «Одежды не раскрыты и формы не по мне». У Эдварда Хоппера – «Почти нет чётких линий и не достаточно уж бытово». Норман Роквелл почти согласен, но всё же – «Нет здесь духа американизма». Караваджо – «Подрастёт и приходите». Джотто ди Бондоне – «Я святости не ощущаю». Рой Лихтенштейн – «Ирония с сарказмом тут излишни». Энди Уорхол – «Вам в количестве или в цветности?». Ганс Рудольф Гигер – «Вы серьёзно?». И можно дальше бесконечно скитаться от одного к другому, в надежде сохранить хоть мгновение из последнего совместного дня матери и сына, но… всегда есть это «но».

У Павлика кололо в боку, как от бега после еды или большого количества выпитой жидкости, жгло, натёртые ковром, ладони, болели мышцы рук и ног, но, при этом, почти не было пота. Странно, ведь потели все, кого он знал. Мама – ходившая летними днями с тёмными разводами подмышками, папа – с мокрой спиной и обматывающий полотенцем голову перед тяжелой работой, чтоб не заливало глаза, сёстры Дубцовы – неизвестно когда умудряющиеся потеть, но носившие невыветривающийся аромат в своих, редко сменяющийся, одеждах. На этом круг его знакомств замыкался.

А может, я не такой как все?

Мама – не мама, папа – не папа, а я… Нет! Не хочу быть «Не Я»! Всё – забыли и не вспоминаем.

«Помню, как я становился в угол и старался, но никак не мог не думать о белом медведе»[4 - Лев Толстой «Воспоминания»]

Первая половина пути далась очень тяжело, но после того, как мама пересекла экватор дома, пошло легче. Толи приноровился, толи пол тут смазал лучше. Или же мама, в очередной раз, помогла сыну и стала, необъяснимым образом, легче. В итоге, через два часа «Ковровой операции», раскрасневшие и побелевшие, двое кровных, добрались до выхода из дома.

12

«Совершенство письма таится в правильном педагогическом воспитании, многократном упражнении и чистоте души»[5 - Якут Мустасими – крупнейший каллиграф тринадцатого века, мастер шрифта «насхи»]

Мать и сын сидели за письменным столом, выводя плакатным железным пером, ровные чернильные буквы на бумаге.

Марина Алексеевна имела колоссальную выдержку и усидчивость, которые оказались незаменимыми способностями, когда, сама того не ожидающая девочка, случайно стала специалистом по каллиграфии.

Ей было шестнадцать.

В ту пору она еще не растолстела и страдала от своей худобы, в тайне завидуя своим округлившимся немногочисленным подругам, выпуклые формы которых уже привлекали посторонние взгляды. А она? «И жопа плоская «под стул», и грудь из двух сосков» – думала Марина, разглядывая своё голое тело в зеркале.

Но как же хочется быть желанной!

Операции по внедрению силиконовых имплантатов ещё были на заре своей истории и простая советская девушка, даже не слышала об их существовании. Поэтому всё решалось устоявшимися годами способами – народными. Что только Марина не перепробовала, и чай пила только с молоком, и ела только зелёные яблоки, и рисовала йодные сеточки, и пила отвар изо ржи, ячменя, проса, кукурузы, и обёртывалась на ночь рисовой кашей, и массировала руками, и массировала струями воды в душе, и каждый день проглатывала по треть стакана прокипяченного, на водной бане, отвара из шишек хмеля. Но всё было бесполезно, только менструальный цикл нарушила.

И тут появился взгляд.

Сначала осторожный, чтоб не заметили, потом чуть смелее, а в конце уже ничем не прикрытый. Но эта неприкрытость была адресована лишь только ей одной и не для официальной Марины Алексеевны, а для нежно-интимной Мариночки.

Остальной же мир продолжал существовать в своей обыденной жизненной параллели, не замечая двоих новообразованных любовников.

Да может оно и к лучшему.

Общего было много – интересы, желания, цели, стремления. Смеялись над одними шутками, любили одни и те же песни, сыпали в чай одинаковое

количество ложечек сахара, одинаково не любили четверги и одинаково обожали вторники. Даже родились в один день. Только вот с разницей в четырнадцать лет.

Он был учитель физкультуры, недавно переехавший к ним в город. Быстро влился в женский рабочий коллектив, завоевав их сердца своей скромной недоступностью и цветами, принесёнными в первый же день. Пользовался уважением учеников благодаря своей строгости, которая не переходила за черту и бесконечными интересными историями, которые любил рассказывать в перерывах между уроками.

Одно в нём было странно, непривычно и смешно, это имя. Аарон. Вернее даже забавляло не оно, а сочетание с отчеством «Иванович». Чем руководствовался его отец, давая сыну еврейское имя – неизвестно, ведь сам он был насквозь русским человеком («Если кто и влез ко мне, Так и тот татарин»[6 - Отрывок из стихотворения Владимира Высоцкого «Мишка Шифман» (1972)]) и в отличие от «жертв» циркумцизии, любил поворчать на своё правительство. Может когда-нибудь он и открыл бы тайну смысла имени, но как-то раз, традиционно, ушел утром выгуливать собаку.

Собака вернулась, Иван нет.

Внеучебное и близкое знакомство произошло там, где и подобает знакомиться советской интеллигенции – в библиотеке. Аарон принёс, на возврат, редкую «Слово о живописи из Сада с горчичное зерно» в переводе Завадской, Марина же брала популярную «Даму с камелиями» Дюма сына, в переводе Антик.

Поздоровались немного сухо, официально, как и положено, но постепенно общение стало легче, приятнее веселее. Закончилась встреча проводами до дома и неожиданным поцелуем в подъезде.

Разошлись.

Поцелуй на губах остался.

Встречи перестали ограничиваться занятиями физкультуры и теперь носили личный характер. Кинотеатры, музеи, парки – всё это стало родным домом, для новой, заранее осуждённой, псевдо Набоковской любви.

Люди изначально содержат в себе множество несоответствий, которые, либо постепенно затухают, либо формируются, оставляя отметины на всей последующей жизни. Так и Аарон, крепкий мужчина, жмущий с груди девяносто килограммов, увлекался несвойственным в таких случаях занятием – каллиграфией.

Подсел он на неё ещё в армии, из-за великой русской проблемы – «От нечё делать». Сначала подолгу выводил красивым почерком письма домой, потом стал оформлять стенды, затем, когда прознали, подписывать открытки для жён/любовниц старших по званию. Так он и тренировался, совершенствовался, углублялся.

Теперь же учитель физкультуры нашел благодарную, терпеливую и способную ученицу.

Сидя обнаженными за письменным столом, Аарон щедро делился накопленными знаниями, а Марина жадно впитывала секреты чистописания (ну не могла привыкнуть к чуждому слову «Каллиграфия»). Она прилежно училась держать остроконечное перо под правильным наклоном, чтоб не цеплять бумагу, заправлять его чернилами не окуная в чернильницу, делать нужный нажим, чтоб буква придавала нужную красоту. И в попытках найти различие между Уставом и Полууставом, будущая мать Павлика старалась не влюбиться в этого взрослого для неё, но уже такого близкого человека.

Первый мужчина остаётся в памяти женщины на всю жизнь. Но те, дача, алкоголь, непонимание, сила, слёзы, оторванная пуговица, спущенные колготки – услужливое сознание постепенно вымарало из головы и сердца. Эти же шестьдесят три дня, каллиграфическим почерком, были вписаны кем-то свыше, в еще не законченную книгу «Марина Алексеевна_____»

А потом они узнали.

Все, одновременно и сразу.

Это как с выставкой «Новая реальность» – жили себе авангардисты советские, работали, ни кому не мешали и особо уж внимание не привлекали. Но стоило Никите Сергеевичу прокричать про совесть, педерастов, выкорчёвывание, да народный хлеб, как тут же все стали перешёптываться, осуждать, показывать пальцем.

Сидя обнаженными за письменным столом, Аарон щедро делился накопленными знаниями, а Марина жадно впитывала секреты чистописания.

Так и тут, произошел глубинный толчок и породил цунами с разрушительными последствиями для только-только окрепших отношений. Аарон уволился «по собственному желанию» и переехал в другой город. Марину родители заставили сделать аборт и заперли под домашним арестом, ежедневно провожая от дома до учёбы и еще три года не давая возможности прорости колосьям личной жизни. Да и потом, когда уже запреты постепенно спали, получалась она урывками, ненадолго, больше для тела, чем для души.

В первое время способная ученица строила планы побега, к своему учителю, по ночам растирая покрасневшие глаза и проклиная всех за непонимание. Но им не суждено было сбыться, так как появилась новая, ранее не известная помеха, в виде жены и двух белокурых дочек, которые жили у бабушки и до конца своей жизни, так и не узнавшие о небольшой петле отца, по пути к родному дому, где его все искренне любят.

До сих пор.

Аарон исчез, чистописание осталось.

Теперь, спустя столько лет, всем премудростям каллиграфии Марина обучала своего сына.

Сергей не воспринимал всерьёз пристрастие своей жены, считая бумагомарание блажью «бесившихся с жиру», но при этом каждую осень, после того, как летняя работа была закончена, он уезжал в город и привозил ей набор из тридцати листов ватмана и пяти бутыльков чернил. Почему он решил, что необходимо именно такое количество, она не спрашивала, но приходилось экономить, так как на всю зиму этого не хватало.

Так Павлик с мамой и проводили несчётные часы, «развивая плоскожопие» за старым письменным столом, из рассохшегося дерева и листом оргстекла на столешнице, под которым были прижаты пожелтевшие фотографии бабушки с дедушкой, или же матери с отцом – это зависит от того, кто, из пишущих, на них смотрел.

Был у этого стола один маленький изъян, появившийся от долгого срока жизни, и имя ему было – ящик. Служил он местом хранения письменных принадлежностей, работал долго и исправно. Но постепенно стал барахлить, выкобениваться и плохо извлекаться, пока, в конце концов, не застрял окончательно.

Что бы делали баба с ребёнком, без сильной и умелой мужской руки?

В итоге стол был разобран, ящик извлечён, потом вновь собран, а все пазы, остались натёртыми мылом.

«Чтоб скользило лучше» – как объяснил Сергей, внимательно наблюдающему за операцией сыну.

Так Павлик, в очередной раз, поразился безграничными знаниями и умениями отца.

А на новые свойства моющего средства, даже не обратил внимания…

До поры, до времени…

Всё с чего-то да начинается.

Театр – с вешалки, алкоголизм – с первой рюмки, развод – с ссоры, путь – с первого шага, изнасилование – с отказа, начало – с буквы «Н», Родина – так до конца и не определено.

А любой солидный и уважающий себя дом начинается с крыльца.

Совсем не обязательно, ему быть золотым, с восседающими на нём Царём и Ко. Вполне достаточно того, чтоб оно было прочное и не скрипучее. А деревянные ступеньки не скользили и занозы, в босы ноги, не вставляли. Вот и всё – велики ли требования?

Крыльцо в доме Грачёвых соответствовало всем крыльцовским нормам и стандартам – один на десять себе подобных. И теперь, именно к этому «правильному и идеальному», семилетний Павлик подкатывал тележку.

Хорошая, чистая, о четырёх колёсах. На ней отец траву с сенокоса возил и иногда вещи из заброшенных домов – не на своём же горбу переть.

Очередная неожиданная проблема, которая, по идее, должна была возникнуть, насущным вопросом, гораздо раньше, но почему-то этого не сделала – «А как спустить маму со ступенек?» Хотя нет, это-то ещё решить можно, но как её потом на тележку водрузить?

Бывает хорошую идею днями, месяцами, годами ждёшь. А бывает, только появилась препятствие и на тебе сразу – решение. Даже подумать ещё не успеваешь, а оно уже навязывается. Ты такой – «Да подожди ты, может, что лучше вдруг придёт». А в ответ – «Вот те на, мы еще тут нос воротим, бери что дают, а то и этого не будет!».

Так и Павлик, не простояв в раздумье даже тридцати секунд, пошел за инструментами.

Логика проста – если убрать первые четыре ступеньки, то тогда, тележку можно подставить прямо у верхней платформы крыльца, и этого будет вполне достаточно, чтобы просто перекатить маму. Тогда не придётся ронять её на

землю.

Этим, ребёнок и занялся.

С одной стороны, Павлик жутко устал, и у него болело всё, что только могло болеть, с другой – ломать – не строить.

И полетели щепки от топора!

И полетели стружки от пилы!

И полетели отцовские старания и труды, которые он, той осенью вложил в крыльцо, полностью его переколачивая.

«Время создано смертью. Нуждаясь в телах и вещах,

Свойство тех и других оно ищет в сырых овощах»[7 - Отрывок из стихотворения Иосифа Бродского «Конец прекрасной эпохи» (Декабрь 1969)]

Наступил Конец прекрасной эпохи, когда одинокая, но крепкая семья из трёх человек, жила в этом старинном деревянном доме, почти на самом краю деревни. И этот маленький самодостаточный социум, незаметно так, неожиданно, без какого либо шума, криков и драк – развалился.

Один ушел, но обещал вернуться.

Одна «уходит», но обещать уже не в силах.

А третий остался, и уходить не собирается. Да собственно и некуда. Как и некому больше обещать.

Подсократив крыльцо в размерах, Павлик поставил тележку на нужное место и повторил операцию с раскачиванием-перекатыванием материнского тела.

И вновь всё так, как задумано – ровно, куда положено и без эксцессов.

Совпадение? Случайность?

Может, будь мальчик постарше, был бы повод задуматься, но теперь он хотел всего лишь две вещи – пить и быстрее убрать маму с солнца, чтобы ей не напекло.

Осуществив первое, он принялся за второе.

Надел на натёртые руки тряпичные перчатки (почему раньше до этого не додумался?), открыл ворота и, кряхтя (любой уважающий себя труженик должен кряхтеть за работой) потащил за собой тележку.

Двор, ворота, улица.

Дом постепенно отдалялся.

14

Современная массовая культура приучила нас к мысли, что в колодцах должна жить маленькая девочка и обязательно с прямыми, длинными, чёрными волосами, да в белом одеянии. К тому же у неё имеется там мобильник, чтоб при случае звонить незнакомым людям, что ненароком глянули её «холм видео» и хрипеть про «семь дней».

В Егре же жили люди тёмные, по части этой современности, и колодец, безбоязненно, использовали по прямому его назначению – брали воду. Да и телефоны в деревне отсутствовали, так что если этой малолетней даме вдруг приспичит с кем-то из них связаться, то только почтой. Хотя и письма не всегда доходят.

Колодец был настоящим, русским.

Если его показать городскому ребёнку, то он наверняка бы предположил, что это маленький домик, который провалился под землю, оставив наверху только треугольную крышу.

Правда без трубы и с дверью.

Да и гнутая железная палка сбоку торчит.

Один раз, по неопытности, Марина задумалась (а, как известно – думать вредно), да не удержала рукоятку, так та, ей тут же, крутясь, и заехала со всей дури по подбородку. Шрама не было, но язык прикусила больно. Так что теперь, к походу за водой, а если точнее, то к процессу извлечения её из недр земных, мама Павлика относилась со страхом и осторожностью.

Но любой страх, со временем, притупляется.

Если же открыть дверь, в крыше провалившегося дома, то, вместо чердака, появится глубокая яма, (если по научному – то шахта), со стенами из брёвен. Над ней деревянный барабан с цепью и привязанным к ней ведром.

Вроде простое, на вид, сооружение, но с довольно таки богатой историей!

В год тысяча восемьсот двенадцатый, жители Егры и не подозревали о существовании уроженца Корсики, который уже поделил карту мира на «Моё» и «Пока не моё». Они продолжали жить как их предки – по уму, по сердцу, да как бог пошлёт.

А тот в «посылках» первый мастер.

И появился из леса низкорослый мужичок, одетый в грубое рубище конопляной ткани, с босыми разбитыми ногами, длинными спутанными волосами, да со следами проказы на лице и кистях. Может он бы и прошмыгнул через деревню незамеченным, но попал в аккурат на День Снопа Велеса, когда все мужики за покос принялись.

«Гарип!» – громко крикнул пасынок Баримира (на тот момент выборного деревни) и побежал к старшим, для сохранности.

В другое время, затравленный и испуганный гость обошёл бы скопище человечье, да так, чтоб запаху не порастерять. Сейчас же, жуткий голод заставил его выйти из спасительного лесного укрытия.

Хотя все-таки странно – не зима же, там и ягода плодоносит, и зверь не поразбежался.

Но, теперь не Святки чтоб гадать.

Ещё издалека углядели мужики все язвы с нарывами на коже пришельца и быстро смекнули, что в деревню пускать нельзя – там и живность и дитяти. А ведь те и те, известно как шустро мрут от любой заразы.

И началась псовая травля. Да так, что отец того, кто победил захоронённого в Доме инвалидов, непременно бы остался доволен. Разница лишь в том, что вместо русских борзых, неслись двуногие, крича и размахивая косами над головой.

По всем правилам и канонам, зверь должен шкуру свою спасать, да бежать от охотников, но прокаженный решил иначе. С жутким визгом и ошалелыми глазами, преследуемый превратился в нападающего – он бросился на того, кто ближе, повалил ошарашенного мужика на землю, вскочил и, воспользовавшись замешательством, беспрепятственно драпанул к домам.

Ни камни, пущенные в след, ни брань, направленная за ними, были уже не в состоянии догнать беглеца.

Добравшись до цели, выходец из леса увидел колодец и вдруг резко остановился. Замолчал. Медленно подошел. Открыл крышку. Снял с себя рубище и, пробубнив что-то нечленораздельное, прыгнул вниз.

Зачем?

Для чего?

Почему?

С этой ли целью он выходил из леса, или же сиё было сиюминутным порывом – так никто и не разобрался.

Мужики, подоспевшие вслед за гостем, застали уже мёртвое тело, мерно качающееся на поверхности воды, лицом вниз.

Быстро он умел не только бегать.

Достали, сожгли, захоронили.

И начался падёж скота.

Хотя конечно это слишком громко сказано. Померли то всего две лошади, одна корова, да пёс по кличке Пень и то, последний скорее от старости, чем от необъяснимых причин. Если разобраться, такое количество смертей можно охарактеризовать как – «Невелика потеря», ведь в тот же год на Бородинском поле, была захоронена тридцать девять тысяч двести одна лошадь (коров в статистике не наблюдается). Но для жителей маленькой Егры, это слабое утешение. На пятнадцать дворов, такой процент смертности, уже достаточный повод для паники.

Сложив воедино все недавние события, приметы и суеверия, мужики, на едином собрании в доме Баримира, пришли к выводу, что «колодезь потребити».

Сказано – сделано. Разве долго, когда толпою и с целью трудишься. Даже, почти следов не осталось.

Народ в Егре не дурной и прекрасно понимал, что засыпав один, надо рыть другой. Единственным маломальским специалистом по лозоходству являлся Трифон, которого, в своё время, ещё дед обучил этой псевдо науке. Хорошая новость состояла в том, что у него уже был опыт обнаружения подземных вод. В том году, ездил до сестры Варьки, что выдали за Лихого и которая разболтала там о способностях братца. За ним прибыли, да посулили бадью падевого мёда, если место водное укажет. То ли случайно, то ли правда по способностям, да ведь нашёл, собака, течение подземное и прям в аккурат. А плохая новость в

том, что помер он, ещё зимой. Пошёл пса, под синим делом, кормить, да прям пред ним и свалился. Нашли под утро, окоченевшего.

Была бы работа, а рабочие под неё найдутся.

Отыскался, в полдня пути от Егры, специалист. Привезли. Походил он часа два с лозой и уверенно указал на холм с северной окраины, затем потребовал оплаты и дороги домой. Мужики его, на всякий случай, попридержали, да в место названное вбурились. И не зря – чёрта вам окаянного, а не вода.

«Умельца» голым задом в муравейник, а сами нового искать. Ведь несподручно, каждый раз, за шесть часов, до родников ходить.

И сколько бы ещё продолжались эти поползновения – неизвестно, да пришла тут божья благодать, в виде коровы Пеструхи.

Вели её с выгула домой, а она вдруг встала, мордой в землю уткнулась и давай орать недобро.

С одной стороны, цепочка «корова, крик, колодец» как-то слабо между собой клеится, а с другой, от безысходности, решили всё же проверить.

И ведь пошла вода!

Так, шумно, весело и затяжно, егринцы даже свадьбы не гуляли.

В итоге, на этом месте и возник колодец, с трудом, но доживший до наших дней.

А Пеструху зарезали – кто её знает, может кроме радости, ещё и беду какую наорёт…

Именно в этот колодец, тысяча восемьсот двенадцатого года рождения, Марина ходила по воду, и именно он сыграл роковую роль в её жизни.

В её преждевременном окончании.

Апрель близился к концу. Муж всё ещё не вернулся, а сын, пока что, был маловат (знала бы она, какой вес придется ему ворочать через месяц с небольшим). В итоге, функцию водоноса временно исполняла Марина. Ох, как она не любила это дело. Сам процесс переноса жидкости из пункта «А» в пункт «Б» её не особо смущал – что это за баба, что тяжестей и трудностей боится? А не нравился ей именно тот момент, когда ведро вглубь опускать и потом, на барабан, цепь ручкой накручивать.

Не доброе было что-то в этом колодце.

И переливая воду из одного цинкованного в другое, чувствовала она страх, неоправданный, потаённый, глубинный. Такой, который пятернёй сожмёт грудину изнутри, да держит так, что дышать тяжко становится.

Рационально она прекрасно понимала – нет причин для опасения, никто не выпрыгнет, не схватит, не у тащит, … но попробуй, объясни ребенку, что по ночам ты в комнате один и под кроватью никто не обитает. Да чёрта с два. Хоть на пупе раз десять извернись, а всё бесполезно – уверенность такая, что даже ломом не вырвать. Так и взрослые, имеющие свои персональные страхи, не многим, в эти моменты, отличаются от детей.

А частенько даже превосходят.

Подцепив вёдра коромыслом, Марина уже было отошла от колодца, но тут, из-за спины, услышала глухой детский плач.

Обернулась.

Тишина.

Показалось?

Из детей в Егре только её Павлик, да и то он староват для подобного.

Может ветер?

Марина медленно повернулась к колодцу спиной, внутренне готовясь встретиться с обладателем плача, набрала полные лёгкие воздуха, сделала первый шаг и угодила ногой в колдобину.

Иногда складывается ощущение, что равновесие придумано лишь для того, чтоб его невозможно было удержать.

Толстуха неуклюже рухнула на землю, из-за коромысла, не успев выставить руки вперёд и этим смягчить падение. Одно ведро, чудесным образом, умудрилось приземлиться ровно на дно и почти не расплескаться. Другое же, всем своем весом, прямо углом, ударилось о бок Марининого правого бедра, сантиметров в пятнадцать выше колена.

Есть несколько моментов в жизни, когда чувствуешь себя самым обиженным, униженным, бесполезным и лишним в этом мире.

Именно один из них, сейчас настал для этой тучной женщины, на половину облитой водой и неловко пытающейся подняться на ноги. Многое она бы отдала, чтоб в данный момент оказаться дома, а не размазывать пухлыми ладонями грязь, в тщетных стремлениях, по возможности, меньше извозиться.

Пришла домой, принеся с собой лишь одно полное ведро – возвращаться и наполнять второе, она уже не стала. Или не смогла. Или…

Павлик ещё спал.

Марина ощущала себя изнасилованной. Она скинула одежду, оторвав при этом три пуговицы, одну из которых, закатившуюся под шкаф, уже никогда не найдёт. Прямо посередине кухни налила в таз холодной воды, залезла в него и начала жёсткой мочалкой соскабливать с себя всё то, что ей недавно пришлось пережить.

Закончив, она улеглась под одеяло и моментально уснула, даже не прибрав за собой на кухне.

Бедро продолжало болеть.

Сын, первый раз в жизни, застал свою мать, лежащую днём на кровати.

Но далеко не в последний.

15

Ещё покопаться в учениях древности и средневековья, то можно обнаружить теорию о том, что человеческая жизнь, тем или иным образом, завязана на числе «семь». Каждый адамов потомок проживает многочисленное количество раз семь различных ритмов, отличающихся восприятием происходящего вокруг.

Каждый цикл продолжается примерно год, плюс минус несколько дней. Ну, может быть недель, но это реже. Необязательно равнять начало и конец по дню рождению – всеобъемлющему безразличны паспортные данные.

Семь циклов. Семь лет.

Первая фаза – повышает физическую активность, выносливость, здоровье, но при этом захватывает агрессию и необдуманность своих действий.

Вторая – помогает набрать жизненный опыт. Но не так чтобы – на бери, и на ус мотай, а всё через пробы, ошибки, да разбитые колени.

Третья фаза дана на откуп интеллекту. Можно посидеть, подумать, что к чему, сделать выводы (не факт что правильные), разобраться в происходящем и задуматься о будущем. Увеличивается коммуникабельность, контакты с окружающими. Но, что за мёд без дёгтя, а таблетки без побочных? Вместе с вышеназванным развитием, появляется хитрая предприимчивость, часто трансформирующаяся в бессмысленную корысть.

Четвёртая – формирование собственной индивидуальности. Добавляется налёт философии, из серии, что же верно, а в чём кроется ошибка, кто прав, а кто виноват, надо мне это или не особо. Человек пытается понять, зачем он сдался этому миру и нужен ли он тому, с кем общается, тому, кто рядом, тому, кто якобы ценит.

Пятая фаза, почти как четвёртая, только разница в том, что там ты должен пытаться строить из себя философа, а тут ты должен, наконец, подвести черту и сделать выводы. Чаще всего неверные. Думать вредно господа! Дамы кстати тоже.

Шестая – это когда устаёшь от всего предыдущего, хочешь свалить куда-нибудь, но, в конце концов, поддаёшься своим чувствам и забиваешь на все эти стремления.

Седьмая же – «Гуляй рванина, от рубля и выше». Именно в этот цикл эмоции хлещут во все стороны, а чувства рвутся конями Лаомедонта. Именно в этот цикл люди творят мировые шедевры в искусстве. Именно в этот цикл находят любовь всей своей жизни. Но и именно в этот цикл они могут разубедиться в своём таланте или же послать к чертям всех тех, кто им является самым близким, родным, любимым…

Ну, а потом вся эта семилетняя закольцованность начинается сначала, до тех пор, пока не помрёшь. Так что, зная год рождения человека и методом нехитрых вычислений, можно легко определить, в какой жизненной фазе он находится и что теперь с ним надо делать. Или не надо.

Павлик, следуя данной теории, находился на самом последнем цикле – Седьмом.

Но вразрез мнению далёких предков, ему не особо хотелось отсекать лишнее от мрамора, играть на холсте светотенью, создавать из семи нот много композиционные сюиты, или же из буковок складывать слова, их в предложения, а их, в свою очередь, в многостраничные осколки эпохи.

В данный момент, он хотел только одного – чтобы выдержало, подозрительно скрипящее и потрескивающее, правое колесо тележки. Отец, когда создавал это произведение сельскохозяйственного труда, совсем не рассчитывал, что на нём его же сын, будет возить его же жену.

Мёртвую жену.

Тяжелую жену.

Огромный вес которой, нещадно испытывал прочность приспособления для грузоперевозок.

Лишь бы она не развалилась до конца пути.

А он, этот самый конец, уже показался в поле зрения.

16

Невзирая на любые погодные условия, болезни, праздники, траур и другие досадные помехи, отец Павлика традиционно, каждое воскресение топил бани.

У сестёр Дубцовых – «По-белому». В неё ходили хозяйки, его жена и сын.

В своём дворе – «По-чёрному». Первые годы для себя, потом, после смерти старух, приучил к ней домочадцев.

Обряд происходил по следующей схеме. Начинал он со своей – разжигал дрова под решёткой, на которой лежат камни (печь, как таковая, отсутствовала), ставил сбоку на неё железный чан в два ведра и оставлял открытой настежь. Затем, носил из колодца воду в баню Дубцовых, затапливал каменку, предварительно отодвинув заслонку в трубе, и плотно закрывал дверь. Далее вновь к своей, которая неподготовленному человеку может показаться горящей из-за клубов дыма, идущих из окна и двери. На корточках, чтоб не надышаться гарью, подкидывал новое топливо. Так и курсировал, между «По-чёрному» и «По-белому», пока не приводил их в состояние боеготовности.

«Пар мне мысли прогнал из ума.

Из тумана холодного прошлого

Окунаюсь в горячий туман»[8 - Отрывок из стихотворения Владимира Высоцкого «Банька По-белому» (1968)]

Павлик мыться не любил.

Раньше, в трёх-четырёх летнем возрасте, сидя на полоке и послушно подставляя маме своё тело для омовения, он мог, ни с того, ни с сего закричать – «Спаситеее, помогитеее, замываюют!». Что означала эта фраза, кому она могла быть адресована в пустынной деревне, повзрослевший противник семейных традиций не понимал. Но при этом стыдливо вспоминал, о достаточно регулярном повторении данного банного казуса. Сёстрам же нравились эти возгласы, разносящиеся по двору. Они даже придумали коварный план, как потом на свадьбе Павлика, отведут невесту в сторонку и расскажут о помывочных геройствах жениха, при этом, естественно, чуть-чуть историю приукрасив. Ну, или не чуть-чуть – это как пойдёт.

После того, как Люба и Надя отправились друг за дружкой к праотцам, Сергей еще несколько месяцев, по инерции, продолжал топить две бани. Но постепенно всё реже и реже, пока, наконец, «Чёрная» не возликовала, празднуя безоговорочную победу.

Кстати, к слову, именно в ней Павлик и появился на свет. Городскому человеку покажется дикой, даже сама идея, рожать в насквозь прокопчённом помещении, ошибочно полагая, что большего, антисанитарного места не найти. Но, в процессе «дымного» прогрева, напрочь уничтожались все грибки, успевшие расплодиться за неделю. Тепло и наличие горячей воды, делали акт начала жизни гораздо менее рискованным как для здоровья мамаши, так и младенца.

Узнав об этом, в трёхлетнем возрасте, Павлик решил, что рождённый в таких условиях, не может получить ожогов. Естественно тут же захотелось проверить данную гипотезу и, конечно же, на себе. А для этого всего-то нужно положить руку на печку и выдержать три секунды.

Выдержал.

Хорошо, хоть, что она уже была протоплена, и накал почти сошел на нет. Экспериментатор отделался сильным покраснением, да регулярными примочками из отвара прокипяченной коры дуба.

В другой раз, отец вдруг стал излишне сентиментальным и вознамерился посвятить сына в таинство банного ритуала.

Хотя Павлик и не особо уж хотел в него посвящаться.

Решено было начать «с полегче» – растопки печи в мывальне у Дубцовых. Причём, высшая степень доверия заключалась в том, что адепт должен проделать всю процедуру в одиночку, без помощи и совета наставника.

«Михайло почесал затылок и, состроив печальное лицо, отправился в баню»[9 - Отрывок из рассказа Антона Чехова (под псевдонимом Антоша Чехонте) «В бане» (1885)]

Принеся, в три подхода, нужное количество берёзовых дров, нарубленных месяц назад (отец говорил, что «Топить надо чистым свежачком, это для тела полезней»), Павлик поместил их в печь, предварительно отковыряв кору, которую, он потом запихал межу поленьями и поджег. Огонь принялся на удивление быстро, расползаясь и черня куски бывших обладательниц почек и сока.

«А ведь не сложно, если умеючи» – гордо думал ученик, шагая до дому – «Скоро я во всём смогу папу заменять».

Может, всё бы так и было, но вмешалась заслонка в трубе, которую Павлик, уходя, забыл открыть. В итоге баню пришлось проветривать несколько часов и топить заново.

И делал это уже Сергей.

Так что отношения у Павлика с той, кто «любую болезнь из тела гонит», не клеились. Причём с самого раннего детства.

Но именно к ней, он привёз свою маму.

Семилетний мальчик с тележкой стоял напротив ворот в дом, некогда принадлежавший двум, вечновесёлым старушенциям.

Вместо того чтобы их отрыть и зайти во двор, Павлик поймал себя на мысли, что, как ни странно, занят пересчётом досок, из которых они были сколочены.

Двенадцать.

Ровно столько, сколько и в прошлый раз. И в позапрошлый. И в позапозапрошлый. Тогда всё было понятно, он считал от безделья, или ожидания, но сейчас – зачем нужна эта процедура?

Пытаясь понять смысл своих бессмысленных действий, он вдруг заметил, что не подсознательно пересчитывает их заново.

Так, стоп, хватит.

Павлик вошел во двор через дверь, находившуюся в воротах, выдвинул брусок, их закрывающий и начал, по переменке толкать створки, чтобы открыть.

Доски были старые, рассохшиеся, давно уже не встык, а со щелями. Те, кого они должны были охранять, теперь лежат окруженные их сёстрами. А им же, оставленным, приходится терпеть все погодные условия и медленно ждать превращения в труху.

Хотя, если всё же разобраться, то и они могут дать жизнь рождённому – а это ли не цель существования всего живого/неживого? И не обязательно ждать появления новой формы, вскормленной твоими останками, которая впитывая и уничтожая старое, пропуская его через себя, прорастает на перегное. Достаточно воспроизвести себе подобное, а оно, оторвавшись от материнского чрева, быстро найдёт ещё пока не протоптанную дорогу в своей жизни. Или так и останется, паразитируя на теле своих воссоздавших.

Занозы – вот истинные дети любой доски, находящейся в стадии «не новизны» и временной потрёпанности.

«Сколько заноз сможет поместиться в одном пальце?» – подумал Павлик, удивляясь тому, что раньше не задавал себе такой важный вопрос – «Сто, двести, или, быть может, даже миллион? Нет, это чересчур много» – внимательно рассматривая, он поворачивал объект предположений – «Шестьдесят, ну ладно семьдесят и если хоть на одну больше, то придётся его отрезать». Он стоял, совершенно забыв о цели прихода – «А если одна какая-нибудь попадёт в вену, а по ней в сердце? Или ещё страшнее – прямо в мозг? Это же тогда я умру… и мне, наверно, будет очень больно, и мама с папой будут плакать…»

Мама.

Павлик взялся за ручку тележки и с трудом закатил её во двор. Затем вернулся и закрыл ворота.

Сил остаётся всё меньше и меньше.

«Интересно, бывает ли такое, что силы исчезают только в одной части тела? Ну, там вдруг одна нога устанет и не сможет двигаться, а всё остальное бодрое и хочет дальше работать. Или же делаешь что-то тяжелое, вдруг упадёшь такой, а мизинец на левой руке шустро гнётся, как ни в чём не бывало…» – мысли упорно отказывались идти в нужном направлении – «А если костей бы не было в человеке, он совсем не смог бы двигаться, или бы, например, мог спокойно перекатываться с места на место?»

Бесчисленные вопросы, бесчисленные ответы.

Каждая мелочь, каждая вещь попадающаяся Павлику по пути, останавливала его, заставляла задуматься, найти проблему, обсудить с самим собой, сделать выводы (в большинстве случаев такие же нелепые, как и сама проблема) и прийти к какому либо решению.

В итоге, последние пятьдесят метров, отделяющие его от бани, заняли больше времени, чем весь путь от дома.

Что это, зачем это, почему это – он не понимал. Да и не хотел понять, ведь он только что увидел проржавевшую литовку, валяющуюся там, где не положено – «А ведь это же….»

Так, сам того не осознавая, сын, начинающий встречать своё седьмое лето, пытался растянуть последние секунды, проведённые с матерью.

Дверь в предбанник была открыта.

18

Наутро бедро продолжало болеть.

Утро?!

Марина легла днём, а сейчас на часах «девять пятнадцать», но для вечера было слишком светло. Не могла же она проспать почти сутки.

Или могла?

Последний раз она так спала в девяносто четвёртом, когда пешком прошла через весь свой город. Тогда, в самый разгар кризиса, безденежья и засилья иностранной продукции в ярких, красивых упаковках на прилавках магазинов. Тогда, когда общественный транспорт ездил полупустой, из-за того, что народу просто напросто нечем было платить за проезд. Тогда, когда вера в светлое будущее… в хоть какое-нибудь будущее, таяла быстрее, чем эскимо, оставленное на лавочке в жаркий июльский день.

Именно тогда Марина лишилась своей лучшей подруги.

Она жила в соседнем подъезде, откликалась только на имя Моня (хотя по паспорту являлась Еленой), имела любящего мужа и пятилетнюю дочку, которую звали, так же как и её (подружки, часто называли маленького белокурого ангелочка Леночкой в квадрате). Счастливая идеальная семья, даже группа крови одинаковая, одна на троих.

Всё розово и приторно, прям до блевоты.

Хорошо это или плохо, но наш мир создан не Диснеем, так что диаграмма счастливой жизни стремится не только вверх.

Муж попал под сокращение, потыкался там, помыкался сям и в итоге, не найдя лучшего выхода – запил. Шесть месяцев. Ровно шесть месяцев понадобилось, чтобы жизнерадостный, сильный, здоровый, красивый мужчина, внутренне сгорел, оставив после себя лишь скелет, обтянутый кожей, впалые, совершенно пустые глаза и безразличие ко всему, что происходит, окружает.

В итоге, его смерть, является апогеем бессмысленности и нелепости.

Зима, ночь, путь из гаражей до дома, гололёд, ноги не держат, падение, попытки встать, слабость, холод, руки елозят по земле, непонимание происходящего, лицо в сугробе, рефлекторное извержение содержимого желудка, вздох, остатки пищи с желчью в лёгкие, потеря сознания, судороги мышц тела, остановка сердца.

Утопленник на суше.

Был человек, и нет человека.

Нельзя просто так прожить и исчезнуть, шлейфы твоего существования хоть и не долго, но всё же будут стелиться, укутывая бывшее окружение. После себя, усопший, оставил дочке голубые глаза и идеально прямые зубы, а жене многочисленные долги и глубочайшую депрессию.

От которой она уже не оправится.

Моня стала раздражительной, нелюдимой, осунувшейся, совершенно не заботящийся о внешности, подолгу сидящей в кресле, смотря сквозь телевизор, проваливаясь в свои мысли и периодически забывавшей покормить ребёнка.

Сергея Марина еще не встретила, соответственно о Павлике даже не могло быть и речи, поэтому вся её неиспользованная забота и любовь выплеснулась на двух Елен.

Моня стала раздражительной, нелюдимой, осунувшейся, совершенно не заботящийся о внешности, подолгу сидящей в кресле, смотря сквозь телевизор, проваливаясь в свои мысли и периодически забывавшей покормить ребёнка.

Она регулярно, дважды в день посещала их дом, готовила, кормила, стирала, одевала, отводила и забирала из детского садика, читала перед сном сказки и тщетно старалась вывести из эмоционально-коматозного состояния. Моня же смотрела на подругу, словно на домашний кактус, который создаёт атмосферу и натребует ничего взамен, только лишь иногда он нуждается в поливке редкими, по капле выдавленными, односложными ответами на периодически задаваемые вопросы.

Моне всё было безразлично.

До одного момента.

Во время своего очередного бессмысленного сеанса информационной промывающей терапии, что исходила из старенького потомка серебряного блюдечка с наливным яблочком, носившего гордое имя «Рубин-714», её мозг, вдруг сконцентрировался на фразе сказанной приятным мужским голосом – «А интересно, – подумал ёжик, – если лошадь ляжет спать, она захлебнется в тумане?». Взгляд, впервые за долгий срок, попытался что-то разобрать в мельтешащих на экране картинках, но неведомый человек, не давая сосредоточится, произнёс новый, ещё более значимый, набор слов – «И он стал медленно спускаться с горки, чтобы попасть в туман и посмотреть, что там внутри».

Мать, неуклюже переставляя отвыкшими ногами, побрела по квартире в поисках своего ребёнка.

Теперь она знает что делать.

Ей подсказали.

Её направили.

В тот день Марина традиционно зашла перед работой к Ленам, чтоб забрать и отвести младшую. Открыла дверь, давно сделанным дубликатом ключей, прошла в квартиру.

Никого.

Осмотрела комнаты – всё на месте, всё как всегда. Может, вышли погулять, или мать, наконец, решила сама сводить дочь в садик? На неё это не похоже – она же уже почти не ходит. Подруга начала волноваться – обзвонила всех, где, гипотетически, Моня могла находиться. Везде один отрицательный ответ – «Нет, и не было». Да куда же они могли подеваться? Звонить в милицию бесполезно, они не ищут людей, если не прошло больше двух суток. Значит надо идти к Николаю Семёновичу, районному участковому, он в курсе всех проблем данного семейства и сможет помочь.

Марина уже надела сапог, но выпитый часом ранее чай, вежливо предложил ей, перед дорогой, посетить уборную.

Вспомните, сколько раз было, когда одев на одну ногу ботинок (сандаль, валенок, туфлю и т. п.) и вдруг вспомнив, что что-то забыли, вы прыгали через всю квартиру на другой. В чём секрет лени? Почему она такая привлекательная и навязчивая? Она же рождается раньше и умирает позже своего подопечного. И самое главное – истребить её невозможно, только временно заглушить, отодвинуть, накрыть тканью видимого действия. Что, сложно что ли разуться, нормально сходить, вернуться и обуться? Нет, мы лучше пропотеем, отобьём пятки, перематеримся, но ни за что не потратим лишние десять секунд, на якобы недостойную процедуру расшнуровывания (расстёгивания молнии и т. п.).

Умная, заботливая, интеллигентная, толстая женщина, прыгала к туалету, сотрясая пол, «передавая привет» соседям снизу.

Дверь, ручка, повернула, открыла.

Моча, тёплой струёй, потекла по ногам Марины.

Она нашла пропавших.

В совмещённом санузле, на бельевых верёвках, привязанных к трубе, висели Лены, образуя телами, полом и потолком пресловутое «в квадрате».

Как позже установили судмедэксперты, мама сначала повесила свою дочь, затем, как только малая перестала дёргаться, удавилась сама. Следов сопротивления не обнаружено, значит, всё произошедшее было по согласию, либо обманной неожиданностью.

В кармане записка – «Ушли в туман». Всего лишь три слова… Три коротких слова, написанные красной ручкой на белом тетрадном листе…

А надо ли больше?

«И умерли они в один день» – сказка осталась сказкой. Жанр выдержан и соблюдён.

Своих скудных денежных запасов Марине не хватило, так что на похороны пришлось занимать по всем знакомым. Естественно не всё финансовое бремя легло на её плечи, кое-что помогли и родители Мони – два непривыкших к новому строю старичка, но будущая мать Павлика чувствовала свою вину в произошедшем, поэтому считала, что погребенье и последующий ритуал, должна организовывать только она.

Всплакнули, опустили, зарыли.

Именно в тот день, тогда, на кладбище, Марина встретила своего мужа, который пока таковым не являлся.

Это не была любовь с первого взгляда, внутри ничего не защемляло, ладони не потели, во рту не пересыхало, сердце учащённо не билось. Если честно, она на него даже не смотрела. Как собственно и он на неё. Каждый был занят своим делом, она прощалась со своей лучшей подругой и её дочкой, а он опускал их в землю и зарывал. Сергей трудился могильщиком. Ну, и не только им. Грузчик, сторож, разнорабочий, дворник, моляр, сантехник, плотник – в общем, все те

нехитрые профессии, где мог хоть немного заработать и куда брали, не вглядываясь в его прошлое.

Но пока их время ещё не пришло.

Поминки, заказанные в заводской столовой, проходили по стандартной схеме, «Отче наш» перед усаживанием за стол, трапеза простая, без излишков («Чтоб не отвлекать от процесса») из зерновых и мучных, одинаковые маски на лицах и воспоминания о праведных делах двух усопших.

К счастью, такие мероприятия случаются не часто, а, за редким исключением, именно с такой периодичностью, которая необходима человеку – «Чтоб не расслаблялся». Но есть такая закономерность, что всегда, независимо от количества пришедших, обязательно кто-либо найдётся (чаще всего женского пола), кто разбирается во всех тонкостях процедуры – рассадит по нужным местам, объяснит, что можно делать, а что нельзя, как себя вести, как и о чём говорить, как пить, какие носовые платки дарить и так далее и тому подобное. Что бы мы делали, без таких «кто-либо»? Даже в последний путь нормально проводить не смогли бы…

Несмотря на сильную холодину, Марина пошла домой пешком.

Надо подумать, надо просто напросто подумать. Попытаться, не подсознательно, попробовать себя оправдать, смыть угрызения в том, что не досмотрела, не углядела, недоследила. А ведь всё могло быть по-другому. Или не могло? Может бесполезно пытаться извернуться, помешать, обмануть, растянуть жизненные отрезки, выделенные неизвестно кем, да и собственно неизвестно для чего. Вдруг действительно существует загробная сторона и там прекрасно, счастливо, идеально, а мы изо всех сил цепляемся за наше сиюминутное.

А может, есть и Бог?

Он нам намекает, подталкивает, помогает оторваться от земных корней, являющимися вегетативными органами высшей формы растения существования материи, что оплетают тела человеческие, разум и душу. Он проводник, дающий неосязаемый путь между тем и этим, между явным и эфемерным. В ответ,

получающий лишь угрозы, обвинения, прошения, требования, слёзы, смех, злорадство и далее по списку.

«Атеист: «Я не верю, что бог существует»

Агностик: «Я не знаю, существует бог или нет»

Игностик: «Я не понимаю, что вы имеете в виду, когда говорите «Бог существует»»» [10 - Упрощённая формулировка игностицизма американского философа религии Майкла Теодора Дранжа.]

Марина шла домой, «на автомате» передвигая свои толстые ноги, неся своё огромное тело по городским улицам, где ещё недавно гуляла с младшей Леной и, пытаясь упорядочить ход своих мыслей, что лихорадочно носились от одного к другому.

Холодно.

Человек универсально существо, способное переносить любые внешние явления, в том числе и очень низкую температуру. Единственная часть тела (в количестве двух штук) которая мёрзнет по-разному – это ноги. Если брать сверху вниз, то их можно поделить на три части:

Первая – от паха до колена. Бедро начинает, как бы распухать, но при этом становится твёрдым и бесчувственным. Лицевая часть упирается в джинсы (брюки, колготки и т. п.) образуя с ними одно целое, словно прирастает к искусственной материи, обмениваясь молекулами. Тыловая же наоборот, куда-то пропадает и остаётся неощущаемой.

Вторая – от колена до лодыжки. Она приносит самые странные и необычные ощущения. Такое чувство, что с голени подчистую срезали всё мясо, оставив только белоснежную кость, которая, при соприкосновении с одеждой, посылает в мозг непрекращающиеся ноющие сигналы.

Третья – то, что осталось. Стопам достаётся больше всех, а если точнее, то только пальцам. Уж они то, маленькие и беззащитные, первые в очереди на

обморожение, за исключением разве что носа и ушей, но те к ногам ни какого отношения не имеют, так что в данном хит параде, им места нет.

Всё вышеперечисленное, усугубленное излишней массой тела, Марина, в полной мере, испытала на себе.

Зайдя домой, она почувствовала сильную усталость, прогрессирующую с каждой минутой. Выпила горячий чай и несколько, полагающихся в таких случаях таблеток.

Не помогло.

Значит, остаётся только одно – сон, уж он-то издавна известный лекарь. Разделась, легла, провалилась.

На двадцать шесть часов.

«Девять пятнадцать»

Тишина.

Павлик либо спит, либо играет где-то вне дома.

Марина тяжело села на кровати и увидела на правом бедре чёрное пятно. Легонько дотронулась – больно. Подошла к зеркалу и осмотрела тело – ничего, всё как прежде. Оделась и, немного прихрамывая, отправилась на кухню готовить завтрак.

С улицы вернулся сын и начал весело рассказывать, размахивая руками, как уже почти научился с разбега прыгать далеко в сугроб и что скоро, всего через неделю упорных тренировок, он сможет победить на соревнованиях чемпиона мира, в этом опасном спорте, который специально придумали не для слабаков.

Мать, слушала, улыбаясь и нарезая картошку.

Затем Павлик, высказав самое главное, спросил, почему она спала так долго, и почему на кухне был такой беспорядок, который он, как порядочный и ответственный мальчик, разбирал полдня, вместо того, чтоб заняться более важными делами.

На этих словах Марина вспомнила про недоеных/некормленых коз, наказала говоруну дорезать за неё, быстро оделась и побежала в конюшню.

Вернувшись через двадцать минут, она продолжила готовку пищи, параллельно разучивая с Павликом, по памяти, остатки, начатого пару дней назад, стихотворения Хармса:

«Самовар Иван Иваныч!

На столе Иван Иваныч!

Золотой Иван Иваныч!

Кипяточку не даёт,

Опоздавшим не даёт,

Лежебокам не даёт»[11 - Отрывок из стихотворения Даниила Хармса «Иван Иваныч самовар» (1928)]

На следующее утро чёрное пятно на бедре стало больше.

19

Дверь в предбанник была открыта.

Тот, кто привык находиться один, играть по пустым и заброшенным домам, видевший за свою жизнь (в сознательном возрасте) всего пять человек и уверенный в том, что других в ней нет, и не будет – испугался.

Там кто-то есть!

Павлик взял в руки литовку, которую заметил по пути от ворот, и, выставив её вперёд, при этом стараясь не порезаться сам, вошел в баню.

Никого.

Банные принадлежности валялись на полу, везде, занесённая с улицы грязь, куски различного хлама, в углу засохшая кровь.

Это точно не человек, он бы не стал так свинячить.

Приученный к чистоплотности и порядку, Павлик был уверен, что и в остальном мире живут точно по таким же правилам и нормам.

Как же он ошибался.

Но именно в этом случае, оказался прав. В бане похозяйничал не представитель рода людского, а какое-то крупное животное и судя по следам крови – хищник. Что ему тут понадобилось? Может, перезимовало? Странно – лесные же обычно боятся выходить из своего древесного дома. По крайней мере, так говорил папа.

А папа всегда прав.

Надо соображать быстрее – новый банный хозяин может вернуться в любое время.

Павлик снял висевший на стене сушенный берёзовый веник, вымел из помещения весь мусор и собрал в одну кучу валяющиеся тазы с вехотками.

В ситуации нехватки времени – это довольно таки бесполезное занятие, но он не смог себе позволить, оставить маму среди беспорядка.

Следующее действие – второй за сегодня порог. Но, в отличие от первого, его нужно было отковырять аккуратно, чтоб потом приделать обратно, ведь в щель под дверью может залезть кто-нибудь из маленькой живности. За инструментом идти не вариант (почему не подумал сразу его взять?) так что надо обходиться подручными средствами.

Обследовав двор и не найдя ничего более подходящего чем полено, Павлик стал им отстукивать прибитую к полу деревяшку.

С одной стороны, с другой.

С одной стороны, с другой.

Постепенно, усиленно сопротивляясь, она всё же, вместе с гвоздями, была отделена и отложена в сторону.

Далее мальчуган взялся за тележку и, толкая, завёз в предбанник. Затем, присел под её ручкой, в которую упёрся руками, напряг ноги и стал выпрямляться, наклоняя средство перевозки.

Мёртвая толстая женщина потихоньку поползла по диагонали в сторону пола. Голова, шея, плечи, грудь, живот… и вдруг застряла.

Сын уже стоял, выпрямившись в полный рост, сжимая, от натуги свои молочные зубы.

Угол уже был максимальный, выше не поднять.

Павлик опустил тележку в прежнее состояние, пролез под ней между колёсами и свисающими руками, взялся за маму и потянул.

Бесполезно – силы, несоизмеримые с весом поставленной задачи, явно не предназначались к такому уровню нагрузки.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Отрывок из стихотворения Владимира Высоцкого «Вот что: Жизнь прекрасна, товарищи…» (1966)

2

Отрывок из стихотворения Эдуарда Асадова «Души и вещи»

3

Отрывок из стихотворения Фёдора Сологуба «Не трогай в темноте…» (11 декабря 1905)

4

Лев Толстой «Воспоминания»

5

Якут Мустасими – крупнейший каллиграф тринадцатого века, мастер шрифта «насхи»

6

Отрывок из стихотворения Владимира Высоцкого «Мишка Шифман» (1972)

7

Отрывок из стихотворения Иосифа Бродского «Конец прекрасной эпохи» (Декабрь 1969)

8

Отрывок из стихотворения Владимира Высоцкого «Банька По-белому» (1968)

9

Отрывок из рассказа Антона Чехова (под псевдонимом Антоша Чехонте) «В бане» (1885)

10

Упрощённая формулировка игностицизма американского философа религии Майкла Теодора Дранжа.

11

Отрывок из стихотворения Даниила Хармса «Иван Иваныч самовар» (1928)

Купить: https://tellnovel.com/ru/puzyrevskiy_evgeniy/sed-moe-leto

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить